Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

В. И. БОГДАНОВ.

УЧИТЕЛЬСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

Цена 1 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1919.

Учительство и Советская власть.

Трудовая школа. Все усилия Советской власти направляются на всестороннее улучшение жизни. Советская власть стремится так переустроить жизнь, чтобы она была для каждого свободной и радостной; чтобы никто не чувствовал над собой влияния гнетущих, обезличивающих человека материальных обстоятельств, но чтобы имел возможность выполнять свой любимый труд, применять к делу все свои способности и в полной мере пользоваться всеми благами жизни.

Одним из главных способов осуществления этих стремлений является коммунистическая подготовка молодого поколения.

Для новой жизни нужны и новые взгляды, новые привычки, новые уменья и навыки. Для новой, свободной и красивой жизни человеку надо отрешиться от всех старых привычек, мешающих жить свободно и счастливо; надо вытравить из себя все рабское, все недостойное человека.

Для строительства новой жизни необходимы новые, стойкие и сообразительные люди.

Приготовить таких людей может только новая, трудовая коммунистическая школа.

Старая школа на это абсолютно неспособна. В лучшем случае старая школа могла развить лишь некоторые способности, дать некоторые знания, но она никогда не соединяла личного образования с устройством жизни в ее целом. Получивший образование в старой школе мог быть совершенно негодным для участия в строительстве жизни. И это не считалось в старой школе недостатком. Самые знания, которые давала старая школа, были какими-то ненужными, ходульными, совершенно оторванными от жизни. О навыках же, о выра-

ботке настойчивых и умелых граждан старая школа слишком недостаточно думала. Было два типа школ: один—тот, где давалось скудное «общее» образование для простого народа и жалкие крохи технических знаний, предназначенных для обучения рабочих какому-либо ремеслу, и другой тип школ, где беззаботно занимались «отвлеченными» науками дети господствующих классов. В многолетних гимназиях обучались мертвым, древним языкам, изучали наставления «христианской» церкви, проходили массу серьезных и точных наук, но словно нарочно в возмутительно непригодном для жизни виде. Ученик, едва осиливши эту многопредметную, будто издевающуюся над человеком гимназию, забывал решительно все в каких-нибудь 3—4 года. Конечно, только потому, что после того дня, как получал диплом об окончании, он совсем не применял своих знаний. Старый гимназист знал много. Но в то же время он ничего не знал, что касается непосредственно окружающей его жизни. Гимназия не давала ему возможности быть близко к жизни. Старая гимназия, набивая человека самыми различными знаниями, засаривая его сознание наставлениями о поддержании существующего порядка, о преклонении перед авторитетами, заботясь только об одном умственном развитии, отвлекала от живых стремлений и запросов, подавляла личность, готовила раба—исполнителя чужой воли.

Кроме того, старая школа, изгоняя совершенно физический (телесный) труд, преклоняясь перед знаниями, хотя бы совершенно никому и ни для чего не нужными, вела своих воспитанников к отделению от той массы, на черной работе которой держались, бывало, троны. Она приучала этих «счастливцев» благоденствовать на потных, изогнутых спинах массы, примазываться к властям предержащим, быть готовыми на все подлости ради своих личных выгод и жить в свое удовольствие, не работая.

Этой разлагающей школе дармоедов Советская власть противопоставила единую трудовую коммунистическую школу, которая способна не только подготовить человека для жизни, но и дать ему в руки уменье участвовать в наилучшей, непрерывной организации ее.

Новая школа называется *единой* потому, что она будет теперь для всех не достигших 16 лет одна.

Она объединяет и уравнивает все права. Школа едина также в смысле преемственности всех ее классов: из первой ступени новой

школы, где бы она ни находилась, можно свободно переходить во вторую ступень.

Едина школа и потому, что в ней мальчики и девочки обучаются вместе, как в дружной семье.

Трудовою новая школа называется за то, что во все ее классы с первого до последнего введен физический труд. Он понимается в школе не как забава, но как необходимость. Это труд образовательный и производительный. Направлен он на усвоение новых сведений, необходимых для лучшего его выполнения, и на обслуживание ежедневных школьных потребностей. В то же время школьный труд—не однообразный, притупляющий способности и сдерживающий естественные стремления, но обязательно разносторонний, творческий, красивый.

Если труд действительно является ядром социализма, если весь смысл социалистического строительства—в лучшей и справедливой организации труда, это не значит еще, что нужен безобразный лошадиный труд. Вовсе нет. Самый труд должен быть радостным. Тот труд, который считался раньше исключительной принадлежностью особого «простого» народа, теперь, при новом устройстве жизни, даст больше всего радостей и счастья уставшему от слез, захлебывающемуся в крови человечеству.

Тот труд, который раньше считался каким-то наказанием, каким-то злом, будет при всеобщей трудовой жизни, при целесообразной деловой организации, при новых, дружных приемах работы главным носителем человеческих радостей и наслаждений. В любимом труде человек найдет свое призвание, свое место в мире, и только в нем он осуществит свою личную свободу.

Введение физического труда в школу разрушает все перегородки, расширяет выбор занятий, делает полнее и содержательнее жизнь. Поэтому труд считается самым главным отличительным признаком новой школы. Трудовыми становятся не только занятия, но и самый метод (способ) прохождения наук. Все знания в новой школе приобретаются исключительно практическим, трудовым путем. Благодаря этому устанавливается тесная связь научности с практичностью. Таким путем, и только таким, новая школа может приготовить новых, стойких, деловых, действительно знающих, что надо, людей. И только

в единой и трудовой школе может произойти последнее сближение классов в прочный коммунистический союз трудящихся.

Новая школа стала светской. Преподавание религии в школе воспрещается. Этим учащиеся избавлены от поповской опеки в области мысли. Мысль теперь свободна. Она не кланяется и не подделывается. Только свободная, гордая, а порой и дерзкая мысль действительно научна. От той же мысли, которая прилаживается к обстоятельствам, которую сдавливают опекуны-попы, не дождешься научности и серьезности. Большое внимание обращается новой школой и на физическое развитие.

Новая школа не занимается одним умственным развитием человека,—она хочет развивать *всего* человека, нимало не насилуя его природы.

Задачи учительства после октября. Советская власть после октябрьского переворота взялась за проведение в жизнь планов трудовой школы. Было слишком ясно, что от такой школы зависит весьма многое для ускорения и облегчения социалистической революции. Реформа школы в направлении к трудовой намечалась и раньше, во времени керенщины. И большевистское правительство, не меняя основной линии, решительно взялось за углубление и расширение реформы.

Перед учительством стояла серьезная и весьма благодарная задача—содействовать проведению реформы на местах, самым непосредственным образом принять участие в социалистическом переустройстве общества.

Реформа школы, поставленная на очередь Красным октябрем, значительно осложняла задачи учительства тем, что она расширяла рамки действия учительства: для проведения ее в жизнь учителям нужно было воздействовать не только на учеников, но и на их родителей, и даже на все население.

Ведь проводилось весьма решительное и серьезное мероприятие, которое резко порывало со всем старым укладом русской жизни. Учитель должен был убедить всех, заинтересованных школьной реформой, в ее пользе и величии. Учитель должен был вытравить из заплесневевших обывательских самолюбий это тормозящее культуру мещанское стремление отличиться среди других, выделиться и обособиться хотя бы ценою долгих лет упорных занятий в тех

старых, забывших истинное свое назначение школах; побороть дикий предрассудок о необходимости этого искусственного деления учеников на мальчиков и девочек с нелепым разделением программы образования; ввести новые методы восприятия сведений—трудовые: через игру, физический труд и организацию всякого рода обмена знаний между самими учениками, когда коренным образом изменяется вся обстановка школьных занятий, сближающая школу со старухой всезнайкой-жизнью; умело и осторожно провести отделение школы от церкви, так, чтобы дело обошлось без исступленных выкриков глухой и глупой злобы религиозного лицемерия и ханжества.

Самому учителю,—будь он семи пядей во лбу,—надо было прежде всего усвоить самую суть реформы и уяснить себе способы проведения ее в жизнь. Учителю надо было понять, что он больше не авторитет по всем вопросам, не опекун многогранной детской души, находящейся еще в неуловимом состоянии быстрого развития, но сотрудник ученика, его сравнительно удачливый соперник по книжным вопросам и практическим навыкам. Собственным примером, искренним стремлением к знанию вместе с учениками, особенно тогда, когда дело касается вещей, еще не достаточно усвоенных и самим учителем, учитель должен был показать, как надо преодолевать препятствия, как подходить к новому делу. Должен был уметь заразить деятельностью и увлечь к знанию самых ленивых и отсталых.

Сделать все это было, конечно, трудно; особенно, если браться за дело по-старому, не рассчитывая на новые условия работы.

Но Октябрьская революция звала раз навсегда порвать со всем старым укладом жизни, звала к деятельности и вместе с громадными задачами социального переустройства выдвигала новые, значительно облегчающие труд приемы деятельности, это—коллективные, непрерывные усилия, дружную, неустанную работу на всех пунктах, взаимно полезную и каждым новым усилием облегчающую дальнейшие достижения.

Саботаж учительства. На мятежный, восторженный зов Октября к крайним усилиям ради преодоления опутывающего человека мрака неосведомленности и неразвитости учительство ответило саботажем, т.-е. нежеланием работать и противодействием всем начинаниям Советской власти.

В самое тяжелое для русской революции время, как раз перед заключением тягостного Брестского мира, в то время как Советская власть еще недостаточно укрепилась,—учительство выступило против Советской власти и всеми мерами препятствовало проведению в жизнь благодетельных, организационных мероприятий социалистической революции. Против новой рабоче-крестьянской власти повел усиленную агитацию буржуазный Всероссийский Учительский Союз. «Благонадежные» учителя вполне оправдали доверие к ним старой, давно свергнутой монархической власти: они дружно, с редким упорством и непоколебимой злобой сплотились около своего Союза, отказались работать с большевистской властью, прекратили занятия в школах, начали устраивать собрания «протеста» совместно с мелкобуржуазными родителями учеников и делали все, чтобы затушить революционные порывы к коренному изменению школьного дела.

Учителя, как говорится, подвели социалистов. Саботаж учительства продолжается до самого последнего времени. Несмотря на все усилия Советской власти вовлечь учителей в общее дело устроения жизни, учителя продолжают упираться. Судя по сообщениям с мест, на благожелательную помощь учительства рассчитывать нельзя. Так, например, из Рязанской губернии сообщают, что на учительских съездах повсеместно выносятся резолюции о желании будто бы работать в контакте с советами. Но в то же время, несмотря на такие благочестивые пожелания, продолжают сыпаться жалобы со стороны крестьянских обществ на нерадивое отношение учителей к своему делу и даже на их контр-революционность. А часто учителя, особенно школ 2-ой ступени, входят в общение с попами и кулаками и поддерживают агитацию против Советской власти («Изв. В. Ц. И. К.», № 134). В Москве на общем собрании работников социалистической культуры Сущевско-Марьинского района внимание собрания было обращено на то, что учителя-дошкольники и школ 2-ой ступени не вступают в союз работников социалистической культуры («Правда», № 146). О таком же нелепом саботажническом настроении учителей сообщается из Серпухова («Коммунист», № 85).

В лучшем случае учителя соглашаются вести исключительно культурную работу. Тов. Серафимович, присутствовавший на съезде учителей в Воронеже, пишет потом («Правда», М., № 153), что учи-

теля на вопрос: «с кем вы—с помещиками и фабрикантами, или с рабочими и крестьянами? пойдете ли вы в крестьянство не только с культурной работой, но и с искренним желанием разъяснить деревне политическое положение вещей?»—отвечают громадным большинством:

— «Нет, не пойдем и крестьянам ничего о политическом моменте говорить не будем,—посылайте для этого своих агитаторов. Наше же назначение нести туда только «нетленные, вечные ценности культуры».

Теперь, когда нужна спешная, энергичная стройка жизни, учителя повторяют граммофонообразно ни к селу ни к городу громкие слова—сколки старой буржуазной культуры, и когда нужен самый простой, но искренний подход к делу, загораживаются этими «вечными ценностями культуры». Они упускают из виду, что науку давно пора выслать на улицу, чтобы оздоровить и вернуть ей былое, творческое значение. Они забывают, что перенести лабораторию профессора в деревенскую избу—великое дело. В таком перенесении—глубокий смысл: только тогда наука действительно сделается общедоступной. Но подобное всемерное распыление науки—большая смелость, на которую не хватит мелочного характера учителя. Отказ воронежских учителей от агитации, выявленный на съезде, был поддержан через несколько дней на собрании советов школ 2-ой ступени. Была принята резолюция такого характера, что учителя желают принять участие лишь в борьбе с народной темнотой, их задания имеют чисто образовательный характер, и что агитация должна вестись только теми, кто на это согласится.

На майском Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию больших трудов стоило провести резолюцию о том, что дошкольная работа должна вестись в тесной связи с общим коммунистическим переустройством жизни на новых началах, а также, что дошкольная работа неотделима от школьной и внешкольной, проводящей необходимые для жизни знания в широкую массу трудового населения.

Учительство упирается. Не хочет социализма, как не хотел «привыкший ползать уж» подняться к солнцу, в «пустое небо».

Но мировой ход истории не обращает никакого внимания на желания учителей и неуклонно ведет проснувшийся мир к радостной и красивой жизни.

Если всмотреться в учительские резолюции, если проследить учительские голоса на съездах и прислушаться, что говорят о Совет-

ской власти, то можно заметить, что отношение учительства к политике проходит обязательно следующие три этапа: первый—резко враждебное отношение ко всяким декретам, отказ работать ради социализма и агитировать одновременно с занятиями; второй—отличается все еще враждебным подчинением и выжиданием; наконец, третий—отличается подлинным желанием подойти к строительству новой школы, но тут это желание совершенно обесценивается неумением, отсутствием творческой инициативы и непониманием самой сущности социалистического переворота.

Наиболее откровенные говорят прямо: Советская власть не должна была вовсе приглашать старых учителей к строительству трудовой школы, — ведь старые учителя не могут оживить школы коммунистическим духом, так как они сами не проникнуты им.

Но, как бы то ни было, дело идет вперед, хотя и медленно. Каждая группа учителей неизбежно проходит перечисленные выше три этапа проникновения в светлую и глубокую душу коммунизма. Если еще нет понимания сути дела, даже в случаях полного сочувствия и честного стремления помочь, то это не значит, что его не будет: подобно тому, как все учителя приходят в разное время к одному и тому же выводу о необходимости присоединения и помощи Советской власти, так и дальше—они все скоро придут к пониманию и коммунизма, и полной его осуществимости даже в нашей убогой, некультурной, исстрадавшейся России.

Иных выводов не может быть. В подлинном смысле истина едина. И все люди так устроены, что при всех одинаковых условиях делают всегда и обязательно одинаковые выводы. Сколько бы саботаж учительства ни продолжался, он неизбежно перейдет в полное сочувствие и содействие Советской власти.

Причины учительского саботажа. Среди саботирующего учительства определенно замечаются два течения: одни не хотят итти с рабочими и крестьянами по злобе на них за потерю своих льгот и привилегий, другие же,—и это гораздо реже, — из чисто воспитательных соображений: будто мы не готовы к принятию социализма, будто можно еще как-то приготовиться к нему.

Первые ухитряются каким-то образом соединить рассуждения о профессии учителя с вопросами частной собственности. В разговоре с вами они быстро и очень ловко перескакивают с рассуждений о

школьных делах на обиды, причиненные большевиками всем, кто обладал мало-мальски значительной собственностью. Такие учителя близки к буржуям, их интересы срослись с интересами тех, около которых им приходилось увиваться в передней царей и чьи пороги они неустанно обивали, отравленные золотым хмелем, распространяющимся около тех, кто знает все секреты, как зашибить копейку и правилом жизни которых является одно: рубль. Таких учителей у нас порядочно, ведь недаром царское правительство раздавало учительские места только «благонадежным», справляясь обязательно, где они были и что делали в 1905 году. Убедить их трудно и ждать от них обращения придется дольше, чем от всех остальных.

Другие учителя совершенно самостоятельно и искренно полагают, будто к социализму и надо, и можно подготовиться.

В этом они ошибаются.

Здесь не может быть никакой подготовки уже потому, что мы впервые на всем протяжении истории боремся за коренное, социальное переустройство мира. У нас нет исторического опыта, которым бы можно было воспользоваться в данном случае. Учимся мы исключительно на ошибках, исключительно на нагромождении новых событий и обстановки, руководствуясь исключительно их противоположностью со старыми. Идем мы ощупью. Но благодаря нашему неутомимому движению, все яснее становится впереди, все лучше мы разбираемся в том, что следует и чего не следует делать. Не столько разбирать надо, судить или учить, сколько делать и делать. Не бездеятельным, стоящим в стороне учителям учить нас, как переходить к социализму. Они не знают этого и показать не умеют. Они могли бы только делать вместе с рабочими и крестьянами общее, великое дело.

Что действительно у интеллигенции революциям не научишься, можно видеть на примере перехода на сторону Советской власти Горького. Его особенностью, в чем он и сам признавался, было стремление пробудить в человеке недовольство окружающей обстановкой, обращение к человеческому достоинству и гордости. Он никогда не занимался вопросами о классах, о массовых движениях, о дружных, одновременных усилиях.

Горький знал и воспевал отдельного человека.

Поэтому он не мог понять поворота к коммунизму и даже ему, человеку умному, с горячим сердцем и знающему людские страдания, понадобилось время, чтобы примкнуть к общему коммунистическому течению. Нечего и говорить, что какому-нибудь захолустному учителю, забитому, неразвитому, робкому и равнодушному, понадобится для этого поворота гораздо больше времени.

Но поворот будет. Это—закон.

Самою главною причиною учительского саботажа следует считать непонимание учителями самой сущности школьной реформы. В смысле революционности учительство оказалось самым недальновидным, непонятливым и отсталым элементом. Учителя не сумели определить линию своего политического поведения и все время мечутся справа налево. То воспевают они беспартийность, то самым решительным образом принимают участие в общей политике. Учителя выбирают, когда им быть беспартийным и когда нет. Но выбирают очень неудачно; так что в их беспартийность никто больше не верит, и справедливо считают учительство в его массе контр-революционным. И каждый раз приходится убеждаться, что, действительно, учительское непонимание положения вещей и их пресловутая беспартийность граничат с самой отчаянной контр-революцией и пошлым мещанством.

Учителя, например, говорят: «трудовая школа хороша в теории, но в жизнь провести ее трудно»...

Сколько узости, серой обывательщины и некультурности в таком утверждении!

Ведь весь смысл трудовой школы именно в том и заключается, что она не предлагается учащимся как нечто готовое, вполне законченное, но *делается*, непрерывно, независимо ни от каких обстоятельств *строится совместными усилиями* всех прикосновенных к ней. Кто говорит, что трудовую школу трудно провести в жизнь, тот, следовательно, не успел еще отрешиться от буржуазных заблуждений с заботами о законченной внешности, независимой от внутреннего содержания, от движения, от основных, образующих эту внешность причин. Трудовая школа—самая жизненная школа. Нечего проводить в жизнь то, что само является наиболее полнокровным куском жизни. Тут все дело—в одних деятелях трудовой школы. *Если*

деятели эти жизненны, то жизненна и школа; а мертвы они—не оживишь и школы никакой внешней законченностью.

Благодаря такому непониманию основ реформы школы и даже основ социализма, получается, что даже в тех случаях, когда учителя и хотят сделать что-либо хорошее и культурное, у них ничего не выходит, и культурное под их руками обращается в нечто абсолютно вредное для развития сознания. Нередко, например, учителя берутся читать лекции, но подходят к этому со старыми взглядами, со старыми пособиями, не делая усилий углубить тему и повернуть ее по-новому. Получается всегда так, как получилось однажды в ржевском народном университете. Преподаватель литературы выбрал почему-то для лекции тему о Байроне. Характерен уже самый выбор такого автора, которого с индивидуальной стороны никоим образом не интересно знать в народном университете, который важен и интересен исключительно со стороны содержания, преломленного в революционном мировоззрении. О новом толковании Байрона преподаватель не позаботился. Он восторженно пост. хвалу этому буржуазному певцу мировой, но сытой и безысходной скорби и рисует такую картину, будто он и есть настоящий выразитель глубокочеловеческих переживаний. Вероятно, для большей убедительности в этом преподаватель даже называл своих слушателей «господами» («Коммуна», Ржев, № 117). В учительских начинаниях странно и то, как в наше пролетарское время назначается высокая плата за слушание лекций («Соха и Молот», Елец, № 84).

При некоторой доли великодушия еще можно бы было мириться с этим вредящим делу непониманием, если бы было заметно со стороны учителей желание понять и знать все то, чего они не понимают и не знают.

Беда в том, что этого стремления нет. Учителя, как неумелые дети, ограничиваются здесь тем, что просят инструкций, разъяснений, а сами не ударят палец о палец, чтобы определить характер своих действий самостоятельно. Учителя упорно забывают о новых способах преодоления препятствий, которые предложены революцией: это—о самодеятельности, о дружных усилиях и легких достижениях путем разделения труда и организации.

Как далеко простирается неосведомленность учительства, видно хотя бы из того маленького факта, как одна резолюция рыбинского

союза школьных работников обнаружила во всей неприглядности их незнакомство с положением об единой трудовой школе («Изв. Рыб. Сов.», № 116).

Мириться с незнанием и неосведомленностью учителей уже нельзя. По нынешним временам, когда каждый гражданин, независимо от своего общественного положения, должен ежедневно учиться новому и новому, должен каждый день делать открытие за открытием, чтобы достойно приобщиться к новой жизни, — всякое проявление невежества со стороны учителей есть большое и позорное преступление.

Не понимать учитель еще имеет некоторое право. За это, к сожалению, пока еще не судят, но не знать, это — ужас. Это непростительно.

Незнание и отсутствие искреннего стремления к знанию — вот вторая большая причина учительского саботажа. Про учителя, который сам не учится, один деятель трудовой школы верно сказал, что он подобен солдату, который убегает с поля сражения. Вся сила учителя — в знании.

Без знания, во много раз превосходящего умственное состояние всех других, учитель в общественном смысле—круглый нуль, полное ничтожество. Каждый день учитель должен узнавать новые вещи, двигаться вперед и всех окружающих заражать своей любовью к мыслям и теориям, к книгам, ко всему новому, ко всему организующему нашу жизнь.

Третьей причиной саботажа следует признать чисто-учительское мнение о том, будто свобода не приходит раньше культуры, будто надо готовиться к ее восприятию долгие годы и будто есть надежда к ней подготовиться.

Это—заблуждение. Добиваться свободы и *делать революцию не учатся*, как не учатся стремлению к солнцу или на чистый воздух.

Говоря о подготовке, учителя упускают из виду важное обстоятельство — массовое движение, классовое стремление к освобождению. Забывают, что всякая воля массы тем и отличается от воли отдельного человека, что в ней на первый план ставится самое основное, самое жизненное; всякие же идеологические надстройки, свойственные единичному рассудку, при массовом движении легко забываются и нередко отметаются. Это свойственно не только массам рабочих или крестьян, но и всякой аудитории, всякому, самому ученому собра-

нию: *все личное и различное вычитывается, все же общее усиливается* уже через одно соединение людей в класс, в толпу или в аудиторию.

Учительство не старается понять своих ошибок, не хочет заметить, на чем оно так комично спотыкается, благодаря чему оно задерживает поступательное движении России, а за ней и всего мира к социализму.

Уча других, учительство позабыло само пополнить пробелы своего образования, житейской и политической осведомленности. Учительство не пытается усовершенствовать свое мировоззрение, не старается хотя бы медленно, хотя бы по частям исправить ошибки своей специально-учительской идеологии.

Учительство отстало и застыло в своей отсталости. Оно саботирует вольно и невольно. Да будет ему стыдно!

Борьба с саботажем. Советская власть не может допустить, чтобы с провозглашением труда основным правилом жизни кто-либо мог оставаться в стороне и ничего не делать для пользы социалистического строительства. В противовес предательскому, желтому Всероссийскому Учительскому Союзу Наркомпрос выдвинул план *повсеместной организации коммунистических учительских союзов*, объединяемых в новый Всероссийский союз работников просвещения и социалистической культуры. В настоящее время такие союзы организованы почти повсюду.

Естественно, что новое объединение красного учительства явится прочным оплотом наиболее сознательных и честных его элементов против саботажников и невежд.

Удачен подход к организации. Учительству, неспособному к самодеятельности, привыкшему ждать всегда распоряжений из центра, действительно легче будет сорганизоваться, когда инициатива организации исходит от центральных учреждений.

Не приходится сомневаться, что новые организации учителей в коммунистическом духе оживят учительство и побудят его не только работать, но и творить с полным увлечением.

Наркомпрос не останавливается в крайнем случае и перед необходимостью *внеочередных перевыборов*, когда от них зависит коренное улучшение дела. В таких случаях создаются особые аттестационные комиссии, куда входят представители от демократических организа-

ций и которые занимаются обратным приемом более сознательных, умелых и способных содействовать подъему культуры учителей.

Совершенно новым способом как борьбы с саботажем, так и подъема культурного уровня населения является *мобилизация всех грамотных граждан* для обслуживания нужд народного образования. Нужды эти велики. Работы много каждому грамотному. Суражский исполком мобилизует всех грамотных в уезде для чтения газет и лекций в избах - читальнях. Временное бюро по подготовке к мобилизации культурных сил Воронежской губернии признает первой задачей этой мобилизации «чрезвычайную, экстренную агитационно-просветительную работу в деревнях среди рабочих и в казармах среди красноармейцев... Считается необходимым в работах по общему просвещению стремиться: 1) к тому, чтобы вложить в него политическое содержание, и 2) опираться на местные культурные, уездные и волостные организации и кружки».

Многообещающей мерой борьбы с саботажем является всякое более или менее детальное *разделение труда*, всякое точное определение функций. Отдел единой школы Наркомпроса, организуя школьно-инструкторский аппарат на местах, признал необходимым разделение специальностей инструкторов не по предметным делениям наук, а по трудовым заданиям, стоящим перед школой. Намечаются инструкторы по сельскому хозяйству, по школьному хозяйству, индустриальному труду и гигиене.

Результаты энергичной борьбы с саботажем начинают сказываться. В Костроме, Рыбинске, Брянске, Воронеже, Сормове, Арзамасе, Нижнем-Новгороде и в других городах выносятся на учительских съездах резолюции, подчеркивающие готовность учителей пойти, наконец, об руку с Советской властью.

Как и кем проводится школьная реформа. Несмотря на продолжительный, едва-едва в самое последнее время прекращающийся саботаж учительства, школьная реформа благополучно заканчивается во всей Советской России. Независимо от ставших в стороне учителей нашлось две могучих силы, которые проявляют кипучую деятельность и успешно производят громадную культурную работу. С одной стороны, такой силой являются центральные и местные советские учреждения, где часто те же саботажники волей-неволей через пень-колоду подготовляют различные материалы, разрабатывают инструкции, циркуляры и распо-

ряжения и пр., с другой стороны, такой могучей силой оказалась прямо стихийная тяга к знанию, к свету, к искусству в самых захолустных, медвежьих уголках со стороны заброшенного в культурном отношении населения.

Чуть не ежедневно открываются новые и новые учреждения— настоящие культурные центры для всех, стремящихся к познаниям. Наркомпрос развил в этом отношении большую работу *и не жалеет на дело просвещения никаких сумм.*

На мероприятия по внешкольному образованию в течение первого полугодия с. г. расходуется около 24 милл. руб. На нужды внешкольного образования по линиям железных дорог ассигновано 3 милл. руб.

Кипит жизнь в организованных из центра *рабочих университетах.* Это дело все развивается. Как грибы растут *школы для взрослых.* В Воронежском, например, уезде их имеется уже 76. Центром же организуются *экскурсии.* В Петрограде всеми экскурсиями руководит теперь Внешкольный Отдел Комиссариата Нар. Просв., в Москве—внешкольный подотдел при Отделе охраны памятников искусств и старины, и т. д. Много содействуют росту сознательности и открываемые учреждениями различные *практические краткосрочные курсы,* но наибольшую культурную работу ведут бесчисленные *библиотеки* и библиотечки.

Центральные учреждения по народному образованию устраивают непрерывно курсы по библиотечному делу, производят громадную работу по составлению, учету и распределению библиотек.

Центром взята правильная линия в отношении народного образования. Объективно правильность этой линии подтверждается тем, что на Украине теперь производится буквально та же работа, какая в значительной мере уже закончена в Великороссии. Киев занят сейчас организацией пролетарских библиотек, студий, курсов и т. д. («Большевик», Киев, № 46).

Центр делает все, чтобы облегчить работу учителей: *повышает оплату их труда,* дает им *различные льготы по мобилизации* и т. д.

В июне прошлого года Совнарком по представлению Наркомпроса сразу почти вдвое повысил вознаграждение сельских учителей с выплатою разницы им за три месяца назад, начиная с марта.

Статья расхода на сельское образование за второе полугодие 1918 года поднялась почти до миллиарда рублей.

Годичный бюджет единой трудовой школы при полном осуществлении всей сети достигнет 6 миллиардов рублей.

Таких расходов на образование не делало никогда ни одно правительство.

С самого начала Октябрьской революции русское учительство находится в исключительно благоприятных материальных условиях.

В июне Наркомпрос возбудил ходатайство перед Совнаркомом об ассигновании сверх сметы 25 милл. руб. на снабжение учителей потребляющих губерний съестными припасами.

Широкие льготы были предоставлены учительству и в отношении отбывания воинской повинности. Учителей не брали в красную армию. Только в последнее время, когда в связи с временным успешным продвижением Колчака положение особенно обострилось, решено было мобилизовать и учительство, но и то лишь на 50%.

Таким образом, русское учительство ни в чем не может упрекнуть Советскую власть со своей профессиональной точки зрения. Советская власть на первый план ставит родные ему интересы широчайшего народного просвещения и обставляет пристальными заботами всю работу учителей.

Пусть тем стыднее будет саботирующему, неповоротливому учителю, который капризничает и упирается, не отказываясь от предоставляемых ему льгот и обеспечения; который не убегает в объятия предпочитаемых им безработных генералов, но остается здесь и брюзжит, как отжившая свое, поглупевшая и озлобленная старуха.

Стыдно! Пора опомниться. Пора порвать со старыми привычками. Пора прекратить фальшивые знакомства со всеми, заинтересованными в мимолетных успехах оставшихся не у дел собственников и эгоистов. Будьте самими собою. Где оно это «разумное, доброе, вечное»?.. Его не будет, пока не будет искренности, пока не обратитесь к своему призванию, пока не замените узеньких рамок школьной педагогики широкими и светлыми горизонтами *социальной педагогики,* пока не растворитесь в дружном коллективе великой рабоче-крестьянской армии труда.

Вы только посмотрите, что делается на ниве просвещения! Какой урожай культурных начинаний! Какая стихийная сила! Какая смелость и красота!

Неужели у вас хватит совести опять стоять в стороне и заниматься пустою критикой?!—Нет. Этого больше не будет. Должно же в вас заговорить ваше учительское призвание! Не можете же вы оставаться в идейной дружбе с безнравственными, узколобыми попами или с посредственными, питающими к трудовому народу неугасимое чувство злобы и мести, генералами.

Нет, нет! Вас ведь тянуло совсем к другому. Чем загорожено это тяготение? Вы припомните! Вы оглянитесь только.

Культурно-просветительные мероприятия Советской власти встретили самую благоприятную почву в наиболее глухих и отсталых местностях. Весьма характерно проявляется здесь то обстоятельство, что, в каком направлении пролетарские массы прилагают собственные усилия, там достижение ярче и жизненнее; где же участие их в силу некомпетентности суживается, там реформы только намечаются: для реорганизации и открытия новых высших учебных заведений из центра сделано больше всего; однако занятия в высших учебных заведениях шли так слабо, что пришлось их прекратить вовсе. Тогда как ни центру, ни отделам просвещения на местах не угнаться за повсеместно во множестве образующимися культурными организациями с меньшим образовательным цензом, не поспеть за этим могучим, неудержимым тяготением масс к знаниям и к культуре.

В захолустнейших, медвежьих углах начинают устраивать народные дома, организовывать культурно-просветительные кружки, ставить спектакли и т. д. Это движение к свету пробудившихся сил носит стихийный характер. Работа часто ведется вне всяких рамок, схем и планов. Делается все, что по силам деревне. Используются решительно все возможности, мобилизуются все силы. В этом отношении дело доходит до курьезов. В Новосильском уезде, Московской губ., «хлебный отряд», занявшись культурно-просветительной деятельностью, организует учителей и учительниц и предлагает им ни больше, ни меньше как... выступать на митингах с агитацией. «Учителя отказываются: «мы, мол, не умеем, никогда не выступали на собраниях» и проч. Товарищи рабочие им приказывают выступать во что бы то ни стало. Бедные учительницы сидят ночь напролет,

готовятся и выступают. Их речи производят сильнейшее впечатление, настроение съезда поднимается, учителя всколыхнулись. «Конечно,— говорил один из членов «хлебного отряда»,—учителя смогли ближе подойти к собранию и понятней им все объяснить, ни один из нас так не мог бы сказать» («Моск. Правда», № 16 с/г.). Это замечательно яркое и наиболее убедительное доказательство того, что пресловутый «саботаж», неуменье и лень сотрудников социального переустройства очень часто зависят действительно от неосведомленности и обывательской косности. От наших усилий зависят все наши достижения. Если будем напрягать усилия, то будут и достижения, а иначе, понятно, «социализм не назрел» и невозможен. Пока бедную учительницу не заставили выступать с агитацией, она боялась это сделать и, конечно, не умела. Стоило же только взяться, войти в работу, и результаты неисчислимы, несравнимы. Сами присяжные агитаторы признают, что из них ни один не мог бы так понятно все объяснить. Во имя несомненных результатов с этим смелым и наивным до гениальности изобретением с принужденной агитацией можно примириться. Интеллигенции в деревне всегда было мало. Теперь интеллигентные силы все заняты и в городах. Кроме того, понять хорошенько происходящее, осмыслить свою абсолютно новую роль организатора жизни, взамен прежних беззаботно-интеллектуальных устремлений, может не всякий интеллигент. Поэтому вполне естественно выдвигается необходимость мобилизовать все силы, готовить наспех активных работников. «Мобилизация грамотных» теперь—такая же элементарная вещь, как и мобилизация военная. В виду недостатка культурных сил главными инициаторами во всем являются чаще всего сами крестьяне.

В с. Филонове, в самом темном углу Балахнинского уезда Нижегор. губ., открывается народный дом, и—что всего отраднее—создается он по инициативе самих крестьян; один из них С. И. Бубнов предоставляет для этой цели свою избу («Нижег. Комм.», № 18 с/г.)

«В с. Криуши Васильского уезда Нижег. губ. стараниями местного интеллигента крестьянина-самоучки организован культурно-просветительной кружок в составе 29 членов. Деятельность этого кружка выразилась в прочтении членом кружка Сауловым лекции о самообразовании, затем в принятии от священника библиотеки общества трезвости и приведении ее в порядок. Далее обществом был устроен

спектакль, который привлек массу молодежи. Спектакль прошел более чем удачно» («Ниж. Комм.», № 17 с/г.). Таковы типичные сообщения о просветительной деятельности в деревне. Судя по отчетам и рецензиям, больше всего деревня интересуется спектаклями. И здесь все делается самими крестьянами без всякой помощи центра. Большая редкость, если уездный Совдеп умеет и успевает оказаться полезным деревне. В газетах часто находим, например, такие заметки: «В Вольском уезде (Сар. губ.) усиленным темпом идет организация драматических кружков. Вольский Отдел народного образования составляет штат опытных инструкторов, режиссеров, декораторов и т. д. Расходов по организации драматических кружков и штатов инструкторов понадобится около 190.400 р., для которых Вольский Отнароб просит у внешкольного подотдела соответствующей ассигновки» («Изв. Сар. Губ. Исп. К-та», № 11 с/г.).

С появлением в деревне театра исчезает былое хулиганство, пьянство, увлечение картежной игрой и всякого рода дикости. Исчезают последние проявления тупости и суеверие.

Деревенские культурно-просветительные начинания так сильно содействуют общительности, обмену мнениями и обращению революционных лозунгов, что скоро рассеют последний мрак на культурных горизонтах страны и зажгут свет настоящей, непрерывно движущейся культуры, запертой, бывало, в дорогих высших школах, музеях и салонах.

Кто мог думать, что деревня получит больше просвещения от курной избы-читальни, чем от роскошных храмов науки?! Да, впрочем, никто ведь не думал и того, что учителя, например, будут так долго и так злобно саботировать...

Пусть снова пристыдит не желающего работать вместе с Советской властью эта грязная и тесная изба-читальня, которая только при Советской власти и могла так мощно и так красиво двинуть крестьянина к свету и свободе.

Очень много делают для проведения в жизнь школьной реформы сами дети.

Эти небывалые в летописях детские конференции и съезды делают так много для осуществления новых мероприятий, что с ними не сравнится и работа взрослых. В Галиче, Борисове, Шапицыне, Орл. у., в Велиже и во многих других местностях происходят

детские собрания, на которых вполне деловито ребята от 7 до 15-летнего возраста решают вопросы о сельско-хозяйственных коммунах, о коммунистических ячейках, о театральных постановках и т. д.

Тут какая-нибудь наивная резолюция о том, что «не следует жечь лучину у печки», ясно показывает, как далеко шагнуло детское развитие, как много дети сумели получить от революции.

На местах уже учли это важное организационное значение детской инициативы, и в Брянске, например, открываются инструкторские курсы для учащихся с целью ознакомления их с принципами и организацией трудовой школы и школы переходного времени.

Пусть эти факты развивающегося организационного движения детей пристыдят и заставят спохватиться учителя саботажника.

Искупление вины. Очередные задачи учительства. Велика вина русского учителя перед социальной революцией, и нет ему никакого оправдания: противодействовать всесторонней организации новой красивой и радостной жизни, где хозяевами являются прозревшие, наконец, рабы буржуазного мира — рабочие и крестьяне; задерживать проведение в жизнь великих благодетельных реформ, ничего не делать и мешать делать всем другим, это—одно сплошное и отвратительное преступление. Ничего не может быть омерзительнее этого стремления удушить революцию, как еще пока маленького, но уже несущего радость ребенка.

Пора прекратить саботаж! Пора кончить упираться и брюзжать!.. Уж лучше поздно, даже очень поздно, чем никогда. Конечно, хотя саботировать без конца все усиливающаяся Советская власть и не позволит никому, все же во всех отношениях лучше поскорее и добровольно взяться за зовущее к себе дело. Даже самим учителям выгоднее и интереснее.

Наша брошюра может попасть в руки и такого учителя, который с самого начала революции работает в контакте с Советской властью, или такого, который хотя и недавно, но вполне искренно повернул на правильный путь, рассмотревши свои ошибки и понявши весь вред сознательного или бессознательного саботажа. Им будет больно и неприятно читать, что здесь написано; но пусть они знают, что мы не их имеем в виду. Если он повернул—кончено! Он втянется в работу. В самом процессе ее, мы уверены, он поймет, как глубока и как чиста идея коммунизма, он скоро увидит, как много несет она

миру, какие возможности, какую полноту жизни, какие откровения и какую красоту несет замотавшемуся в борьбе за существование человечеству каждый пункт коммунистической программы, каждый новый декрет Советской власти. Он скоро сживется с новым строем и полюбит его. Иначе и быть не может. Тут достаточно одного чистого прикосновения к социалистическому строительству, чтобы человек навсегда был захвачен недовольством всем старым укладом жизни, чтобы он немедленно заразился мятежным, непрерывным стремлением к лучшему через все преграды и лишения.

Но пусть все кошмары нечистой совести явятся наяву и во сне тому учителю, который продолжает свое черное преступное дело.

Мы еще не забыли, с чего началось противосоветское движение учительства. Мы помним, как на седьмом «всероссийском» съезде русских учителей в июне прошлого года была принята нелепая резолюция, определившая, к сожалению, линию их дальнейших действий:

...«Седьмой делегатский съезд Всероссийского Учительского Союза не находит почвы для общего постоянного и продуктивного сотрудничества с Советской властью, в действиях которой нет ни творческой мысли, ни общественно-демократической постановки вопросов школьного дела».

Особенно характерна для учительства эта циничная мотивировка: в действиях Советской власти нет творческой мысли... Спрашивается, где они видели более уверенный и могучий размах всестороннего и быстрого общественного строительства?! Впрочем, дело не в этом, а в том, что как-никак слова обязывают. Ведь бросить камень может только тот, кто сам без греха. Циничный, самовлюбленный упрек в отсутствии творческой мысли, сделанный Советской власти со стороны учительства, предполагает, что это учительство своими творческими мыслями во много раз превосходит советских сотрудников.

Где же оно, это творчество учителя?!

Что-то мы его до сих пор не видим! Или старушечьи жалобы на отсутствие продовольствия, или глухая, мелочная злоба да громкие слова о вечных культурных ценностях—это и есть ваши творческие мысли?!

Оставьте!

Пора искупить свою вину. Пора взяться за дело и наверстать упущенное.

Окончательное укрепление Советской власти, уход разных французов да американцев, полный разгром Колчака и других проходимцев, близкое присоединение Сибири и т. д., колоссальный урожай и поворот всеобщих симпатий к Советской власти, все это ставит перед учительством новые очередные задачи: постараться поскорее понять, какая тайна кроется в том, что Советская власть не только не слетела, чего все время ждали некоторые, но распространяет свое обаяние на весь мир,—к ней тяготеют не только западные красные батальоны трудящихся, но,—что еще поразительнее,—перед ней раскрывается даже восточно-китайская стена. И там услышали, что настоящую правду знает только Советская власть. Побольше читать книг о том, как строить и вести трудовую школу. Книг таких теперь издано достаточно. Чтение их никогда не было вредным, а по интересующему вопросу будет и полезным.

Приучаться к общественной деятельности, чтобы уметь сделать школу культурным центром для всей округи, чтобы привлечь к культурно-просветительной деятельности все светлые головы, все настойчивые желания и рвущиеся наружу способности.

В школах немедленно начать работы по приспособлению их для занятий по новому методу. Поправить все, навести чистоту при помощи тех же учеников. Позаботиться об инвентаре. Обзавестись необходимыми пособиями, заинтересовать взрослое население делами школы и т. д.

Говорят, что необходимо создать новые кадры учителей, взяв их из среды трудового крестьянства и рабочего пролетариата, подобно тому, как созданы были красные офицеры.

Говорят, что учителям необходимо пойти, по крайней мере, на выучку к пролетариям, чтобы поучиться работать дружно.

Во всем этом есть большая доля правды. Мы, однако, думаем более оптимистично: учителю надо изжить, выдавить из себя по капле этот разлагающий яд интеллигентщины и старых буржуазных привычек.

Учитель встряхнется, перестанет быть мягкотелым нытиком, критиком невпопад, станет чаще выступать, действовать, двигать события, учиться на своих ошибках, итти все вперед и вперед.

Потухнет злоба, и сгинет тьма...

Будет красиво!

В. Богданов.

Типография ~~Т-ва И. Д. Сытина.~~ Москва Пятницкая ул., свой дом.